

Увидев, что после выпитой воды лицо Чэнь Цзыму, ранее бледное, наконец порозовело, Вэй Янь успокоился, приготовил чернила и спросил:

— Что хочешь написать?

Чэнь Цзыму тоже подошел к столу, взял кисть и, немного подумав, вспомнил тех солдат, а также нынешние раздоры в столице. В итоге он написал четыре иероглифа: «Мир в стране, благоденствие народа».

Вэй Янь посмотрел на изящные иероглифы на фонарике, восхитился ими, но в то же время улыбнулся и, подняв брови, пошутил:

— Говорят, что нынешний император каждый год молится небу, прося именно этого — «Мир в стране, благоденствие народа». Если бы я не знал, что ты из купеческой семьи, то подумал бы, что ты какой-нибудь принц или знатный сановник, столь сильно переживающий за судьбу Поднебесной.

Сказанное невольно, но услышанное с особым вниманием. Сердце Чэнь Цзыму сжалось от этих слов, он слегка напрягся и посмотрел на Вэй Яня, но, увидев, что его выражение лица не изменилось, постепенно успокоился.

Тон Вэй Яня не был испытующим, скорее всего, он действительно просто случайно обмолвился.

— Цзыму — простой человек, так говорить, пожалуй, неуместно? — Чэнь Цзыму снова опустил голову, палец легко скользнул по фразе и замер в правом нижнем углу сложенного фонарика.
— Может быть, генерал, ты тоже оставишь подпись?

— Хорошо.

Вэй Янь не позволил Чэнь Цзыму встать, а сам подошел к нему сзади, наклонился, правой рукой обнял его руку и взял кисть, почти обнимая его, и написал свое имя.

Почерк Вэй Яня был более небрежным, чем у Чэнь Цзыму, но зато сильным и уверенным.

Когда он закончил писать, Чэнь Цзыму снова взял кисть и написал только два иероглифа — «Цзыму» — после имени Вэй Яня.

Вместе они вынесли фонарик на пустое место перед палаткой, развернули его, зажгли свечу и наблюдали, как написанные иероглифы медленно поднимаются в небо, становясь все дальше и дальше, пока не слились с морем желтых огоньков, и их уже нельзя было различить.

И Вэй Янь, и Чэнь Цзыму желали мира в стране и благоденствия народу, но, стоя под этим множеством фонариков, в их сердцах неожиданно возникло еще одно желание — то, что было написано в углу, где стояли рядом два имени...

Тем временем на учебном плацу, недалеко от них, Ли Ту вручил последний фонарик Люй Ишюю, сказав немного резко:

— Оставил для тебя один.

Люй Ишуй заметил его неловкость, хотя и не понимал причины, но не стал отказываться от этого жеста, улыбнулся ему:

— Тогда пойдем вместе писать?

— Мне не надо, ты же знаешь, я обычно не думаю о таких вещах, особых желаний у меня нет. Ишуй, ты пиши. — Ли Ту почесал затылок, украдкой взглянув на мужчину. На самом деле, он оставил фонарик для Люй Ишуя с тайным умыслом — ему очень хотелось узнать, какие у того желания.

Так как фонарики уже закончились, военный врач у стола тоже собрался уходить. Они подошли к нему, поприветствовали, и, не говоря лишнего, врач, увидев фонарик в руках Люй Ишуя, понял и передал ему кисть.

Люй Ишуй взял кисть, разложил фонарик на столе и, не задумываясь, написал строку: «Сияющее будущее, гладкая и беззаботная жизнь».

Ли Ту, стоявший за ним, положил руку на его плечо, заглянул и удивился:

— Ишуй, ты даже не подписался, как небо узнает, чье это желание?

Люй Ишуй на мгновение замер, незаметно отстранился от прикосновения Ли Ту, опустил голову и, глядя на написанное, через некоторое время произнес:

— Я прошу, чтобы тот, кто у меня в сердце, прожил эту жизнь спокойно и беззаботно. Небо высоко, оно, конечно, поймет.

— У тебя есть кто-то? — Ли Ту думал, что Люй Ишуй просто желает себе счастья, и, услышав это, широко раскрыл глаза, забыв обо всем, сердце его сжалось от этих слов.

— Ага. — Люй Ишуй просто кивнул, не объясняя подробностей, и снова занялся фонариком.

Ли Ту не стал помогать, просто смотрел, как Люй Ишуй самостоятельно разворачивает фонарик и зажигает огонь.

Они больше не говорили, пока фонарик не поднялся в небо. Затем Люй Ишуй, как ни в чем не бывало, обернулся:

— Уже поздно, пойдем отдыхать.

Палатка Ли Ту находилась ближе к плацу, Люй Ишуй проводил его до входа, пожелал спокойной ночи и уже собирался уходить, как вдруг Ли Ту спросил:

— Ишуй, ты с ним... вы уже признались друг другу?

Люй Ишуй остановился, понял, о чем его спрашивают, и, подумав, решил ответить:

— Мы? Никакого нас. Кому принадлежит мое сердце — это только мое дело.

Этими словами Ли Ту почти убедил себя, что тот, в кого влюблен Люй Ишуй, — это Чэнь Цзыму. Он почувствовал злость и одновременно беспокойство за него:

— Такое дело... Как это может быть только одним человеком... Если... Если он к тебе равнодушен, зачем тебе так упорствовать?

— Верно, но в любви тело воли не подвластно, разве можно просто так взять и отпустить? — Люй Ишуй обернулся и улыбнулся ему, но в этой улыбке не было искренности. — Я сам

разберусь, А Ту, не переживай. На улице холодно, иди скорее отдыхать.

Эти спокойные слова заставили Ли Ту почувствовать себя лишним. Если сам человек не беспокоится, то зачем ему вмешиваться? Он с еще большим недовольством отвернулся и вошел в палатку.

Люй Ишуй смотрел, как Ли Ту исчезает за входом в палатку, подождал немного, пока внутри загорится свет, и только тогда повернулся и пошел по тропинке к своей палатке.

Он понимал, что сегодня сказал слишком много, потерял обычную сдержанность. Уже решив отпустить, он не должен был рассказывать Ли Ту об этом, но в такой особенный день ему было трудно контролировать свои эмоции.

Он вспомнил прошлый Новый год, который они провели вместе.

Тогда на границе был мир, и город Чаньюй был полон праздничной атмосферы. После ужина они, чтобы избежать шума, поднялись на крышу заднего двора и пили вино. Ли Ту, выпив слишком много, упал на него и начал бредить, говоря о своих мечтах и крича, что они никогда не расстанутся.

Никто не знал, как сильно Люй Ишуй обрадовался в тот момент. У него даже появилась нереалистичная надежда, что, может быть, Ли Ту чувствует то же самое...

Но всего через год, в тот же праздник, в ту же ночь, настроение было уже совсем другим. Не было никакой надежды, все это было лишь его иллюзией.

Если бы он знал, что так будет, он бы предпочел никогда не питать этих прекрасных надежд относительно Ли Ту, никогда не мечтать об их будущем. Тогда, когда жестокая правда оказалась перед ним, возможно, было бы легче смириться...

На десятый день первого месяца курьеры из города Чаньюй доставили в лагерь несколько повозок с грузом — это были письма и одежда, присланные семьями солдат.

Военные правила строги, обычно не разрешается часто переписываться с домом. Независимо от звания, каждый год солдаты и офицеры могли обмениваться письмами с семьями только в конце и начале года. Кроме кануна Нового года, это был, пожалуй, самый оживленный день в лагере.

Все собрались на учебном плацу, ожидая, когда младшие командиры раздадут вещи, а письма от семей генералов были доставлены прямо в их палатки.

С наступлением нового года у этой пограничной армии не было много времени для празднований. После двух дней отдыха они снова погрузились в подготовку к новым сражениям.

В отношении Цанчуань Вэй Янь больше не хотел оставаться в пассивной позиции, а планировал попытаться действовать активно. Весь день он провел, обсуждая стратегии с другими командирами, и только к вечеру смог вернуться в палатку, чтобы проверить присланный из дома пакет.

С тех пор как он вступил в армию, это был первый раз, когда он сам попросил семью подготовить что-то для него, поэтому в этом году посылка была особенно большой.

Чэнь Цзыму все еще спал, Вэй Янь отложил в сторону теплую одежду из посылки и достал письмо, лежащее на дне.

В письме, отправленном домой, Вэй Янь признался отцу Вэй Линю, что спас Чэнь Цзыму, и попросил его обратить внимание, не было ли в последние годы в Луаньчэне разорившихся торговцев лекарствами или знатных семей.

Небесные фонарики — это как раз та сцена, которую я изобразила на обложке.

<http://bllate.org/book/17724/1656776>